

ВВЕДЕНИЕ К РУБРИКЕ

Во введении к рубрике я не ставлю задачу ни подытожить написанное по теме в отечественной и зарубежной историографии, ни подвести итог публикуемым в этом выпуске статьям, а лишь побудить исследователей к дальнейшим поискам и обсуждениям проблем региональной истории. Это попытка поговорить о терминологии, не призыв к жёсткому определению терминов, а, скорее, призыв обсудить необходимость их осмысления или побудить к дискуссии.

Предложенная тема — освоение/колонизация/развитие Дальнего Востока — является весьма разработанной в отечественной историографии, но каждое новое поколение историков находит всё новые неисследованные аспекты, вводит в оборот новые источники и предлагает новые парадигмы анализа. Когда задумывался выпуск, мы не ставили авторам жёстких рамок терминологии или концептуальных подходов, только общую тему, в которую так или иначе должны были вписаться их личные научные интересы.

Первая проблема, которую хотелось бы обсудить во введении, — применение терминов «колонизация», «освоение», «развитие» Дальнего Востока. Мы видим, что по отношению к имперскому периоду авторы при анализе процесса освоения региона чаще используют, кроме собственно этого термина, понятия «колонизация», «переселение», «развитие», а в дискурсе исследователей, занимающихся советской историей, терминология предшествующего периода дополняется новой — «планирование», «мобилизация», «индустриализация». Необходимо заметить, что практика применения терминов «колонизация», «освоение», «развитие» и вкладываемый в них исследователями смысл имеет множество вариантов. Возникает резонный вопрос, можно ли договориться о терминах, если мы пытаемся обозначить явления слишком многоплановые, многосмысловые, не имеющие чётких границ.

Наглядный пример вариативности смыслов демонстрирует дискуссия на страницах журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования» о соотношении терминов «колонизация» и «освоение»¹. При чёткой постановке проблемы организаторами дискуссии: следует ли использовать данные термины как синонимы или нет — участники углубились в обсуждение негативных и позитивных последствий колонизации, её особенностей в разные хронологические периоды и на разных территориях Дальнего Востока. Важным представляется замечание Ю.Н. Ковалевской, что применение исследователями термина «колонизация» является ситуативным и зависит от целей и хронологических рамок исследования. Интересным и дискуссионным

---

¹ «Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4 (43). С. 55—67.

является предложение Я.А. Барбенко и Я.В. Назаровой различать два термина: колонизация — это продвижение русских на новые территории, она заканчивается, когда территория обрусела, стала своей, а освоение начинается вслед за этим. Однако термин «освоение» и означает «делание своим», а практика его применения показывает, что под ним в советской историографии понимали и продвижение русских на новые земли, и научные исследования территории, и административно-территориальную политику, и сельскохозяйственное, промышленное, транспортное, торговое и прочее освоение территории² Хотя существовали и иные точки зрения и практики применения³.

Обстоятельный анализ термина «колонизация» проделан в монографии А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой. Они констатируют, что в дореволюционной историографии при сохранении дискуссионности терминологии постепенно формируется представление о колонизации не только как о переселении и заселении неосвоенных пространств на востоке, но и, во-первых, как о процессе регуляции правительством переселенческих потоков и, во-вторых, как о культурном воздействии на отсталое население колонизируемых пространств. Во времена СССР термин «колонизация» постепенно приобретает всё более негативное звучание как процесс формирования отношений «господства — подчинения» между «цивилизованной метрополией» и «некультурной колонией»⁴. В советской дальневосточной историографии по этой причине он постепенно был вытеснен термином «освоение», не имевшим негативной коннотации. В первую очередь это было обусловлено стремлением исследователей заявить об особом характере завоевания и заселения азиатских пространств Российской империей, отличии от колонизации/колониализма европейских государств. Этот процесс противопоставления начался ещё в имперский период, но наиболее яркое выражение приобрёл в 1960—1980-е гг. и был связан с процессом деколонизации, с мировым национально-освободительным движением, борьбой колоний за независимость. Исследователи, придавая особый характер процессу колонизации в Российской империи и Советском Союзе и называя его особым термином «освоение», стремились изобразить взаимоотношения центра и регионов (национальных окраин) как равноправные, бесконфликтные, а усилия центра — как нацеленные на развитие окраин, преодоление их социально-экономической и культурной отсталости. Существовавшая в советское время практика применения термина «освоение» вместе с существительным «заселение» и прилагательным «хозяйственное» позволяла подразумевать под этим и переселение.

В это же время, наряду с термином «освоение», применительно к советскому периоду истории Дальнего Востока шире стали применять термины

² Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XVII в. — 1917 г.). М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1989. С. 3—4.

³ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVIII — начале XX вв. (1640—1917): ист.-демогр. очерк. М.: Наука, 1985. С. 50.

⁴ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск: Наука, 2013. С. 34—50.

«развитие», «планирование развития» (последнее характерно и для современных исследований). В постсоветское время вернулась практика применения понятия «колонизация», сделаны попытки избавить этот термин от негативной коннотации. Прекрасный пример выхода за привычные рамки его осмысления представляют работы А.В. Головнёва. Предложенная широкая трактовка колонизации как освоения человечеством Земли является весьма перспективной⁵.

Другой ряд ключевых терминов, используемых исследователями в связи с освоением Дальнего Востока, — «проект», «программа», «политика», «стратегия», «модель». Ввиду этого возникает ещё одна проблема: насколько оправдано использование в наших исследованиях термина «колониционная/переселенческая/мобилизационная политика», «политика развития», есть ли необходимость заменить её, во всяком случае применительно к некоторым этапам, терминами «план», «проект», «программа», подразумеваемая при этом и их реализацию. С другой стороны, можно поставить вопрос иначе: насколько возможно и обосновано применение модных в современной России терминов «программа», «проект» по отношению к имперскому времени? Должен ли исследователь использовать терминологию изучаемого периода или он вправе накладывать современные модные термины на прошедшую эпоху? Не модернизирует ли это изучаемое явление?

Каждый исследователь конструирует свой нарратив, свою историю на основе тех источников, которые ввёл в научный оборот сам или до него открыли другие. В научных трудах формируется дискурс, создаются процессы, комплексы, политика, выделяются этапы. Не конструируем ли мы тем самым никогда не существовавшее прошлое, забывая, что созданный нами нарратив входит в широкое употребление, постепенно становится общеизвестным и начинает жить своей жизнью? Не конструирует ли исследователь целенаправленную и комплексную политику там, где есть лишь разрозненные мероприятия власти, и, напротив, видит проекты и программы в одной какой-то сфере в силу постановки узкой проблемы там, где имела место комплексная политика?

Возникает вопрос: исследователь создаёт нарратив о колониционной или переселенческой политике при реальном существовании лишь разрозненных мероприятий разных правительств (или отдельных проектов региональных администраторов) или же принимаемые в разные годы законы и затраченные усилия были в реальности планомерной и целенаправленной колониционной/освоенческой/мобилизационной политикой имперской, советской и постсоветской власти? Прекрасный пример такого нарратива о государственной политике освоения и развития Дальнего Востока от имперского до постсоветского времени представляет обобщающая статья Л.И. Галлямовой⁶.

⁵ Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УРО РАН, 2015. 605 с.; Головнёв А.В. Колонизация в антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 4—14.

⁶ Галлямова Л.И. Дальний Восток в общероссийском пространстве: исторический опыт освоения и особенности развития региона // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 9—17.

С другой стороны, в наших исследованиях возникает и иная опасность: историки, пытаясь поместить реальность (прошлую, настоящую), которая всегда шире, чем темы и проблемы, в прокрустово ложе проблем, теорий, терминов, сами ставят себе рамки, сужают реальность исследовательскими задачами и попадают в своеобразную ловушку. Необходимый и обоснованный выбор исследовательской проблемы приводит к разделению исторической реальности между темами и, соответственно, к отдельному изучению разных аспектов единого процесса колонизации/освоения региона: переселенческой политики, истории почты и телеграфа, транспорта, армии, флота и пр. Результатом же становится нарратив, где нет места комплексному характеру колонизационной политики, а существуют только меры по развитию отдельных аспектов жизни региона.

Анализ посылаемых на высочайшее имя проектов или отчётов генерал-губернаторов, военных губернаторов областей, а также книг, написанных представителями региональной администрации⁷, наводит на мысль, что для большинства из них был характерен комплексный подход к колонизации Дальнего Востока. Основная часть переселенческих «проектов» предлагалась и реализовывалась параллельно с проектами об увеличении армии и укреплении обороноспособности региона (вторые часто предвосхищали первые, как предшествовало переселению создание военных постов и казачьих станиц — опорных пунктов российского присутствия в регионе); но также и параллельно с инфраструктурными «проектами», административно-территориальными преобразованиями, инициативами, связанными с обеспечением региона образованными кадрами (льготы для чиновников, военных, учителей) и прочими «программами». Но не существует ли возможность, что нарратив о комплексном характере дальневосточной политики был создан уже самими представителями высшей региональной администрации в имперское время, а в реальности предпринимаемые меры носили разрозненный и ситуативный характер, представляли собой «затыкание дыр», решения отдельных проблем?

Это лишь немногие проблемы, на которые хотелось бы обратить внимание читателей и тем самым побудить к дальнейшим исследованиям разных периодов истории российского Дальнего Востока.

* * *

В данном выпуске Трудов собраны статьи, посвящённые малоисследованным аспектам истории освоения/колонизации/развития Дальнего Востока в широком хронологическом срезе — от XVII до начала XXI в.

Три первых статьи рубрики посвящены колонизации Дальнего Востока в имперский период, в них прослеживается комплексный характер колонизационной политики/проектов/программ.

О.И. Сергеев рассматривает историю казачьего переселения на Дальний Восток на протяжении двух с половиной столетий: с середины XVII

⁷ Унтербергер П.Ф. Очерк Приморской области 1858—1896 гг. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1900. 324 с.; Унтербергер П.Ф. Приамурский край 1906—1910. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 428 с.

до начала XX в. Особое внимание уделяется трансформациям организационной структуры казачества восточных окраин империи, в том числе образованию и формированию Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. При рассмотрении казачьего переселения в середине XIX в. автор показывает комплексный характер предложений Н.Н. Муравьёва, включавших не только заселение региона, но и административно-территориальные преобразования, укрепление оборонного потенциала, организацию сплавов и пр.

Статья **А.С. Заколотной** посвящена проектам крестьянской колонизации Дальнего Востока России с середины XIX в. до первой четверти XX в. Основное внимание уделено проекту последовательной колонизации Амурской области Н.К. Шумана, имевшему следующие особенности: во-первых, его разработка и реализация начались в имперский период, а решение о приостановке принималось после революционных событий 1917 г.; во-вторых, скорость заселения Амурской области, предложенная автором проекта, была впечатляющей — в течение 15 лет переселить более 1 млн чел. В отличие от большинства предшествовавших программ переселения, этот проект был реализован лишь частично.

Л.И. Галлямова проанализировала создание Амурской экспедиции 1910 г. и её роль в подготовке планов и проектов по освоению российского Дальнего Востока. Созданный в 1909 г. Комитет по заселению Дальнего Востока пришёл к выводу о необходимости организации на деньги казны Амурской экспедиции под руководством Н.Л. Гондатти, приступившей к работе в 1910 г. Её участники за короткий срок смогли дать оценку колонизационных перспектив Приамурья, описать главнейшие естественные богатства региона, возможности развития сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности, крестьянского переселения, средств сообщения и т.д. Труды Амурской экспедиции — более 30 томов материалов — нашли применение в планировании освоения региона в имперский и советский периоды. Сама экспедиция является примером комплексного похода к исследованию и развитию Дальнего Востока.

О.А. Устюгова рассматривает узкую проблему — историю поиска месторождений соли и исследование перспектив её добычи на Дальнем Востоке России — в широком хронологическом срезе: 1865—1925 гг., т.е. с начала освоения региона до первых лет советской власти. В условиях высокой потребности региона в поваренной соли как продукте первой необходимости и сырье для рыбопромышленности зависимость от ввоза иностранной соли беспокоила власти, поэтому они уделяли внимание исследованию возможностей развития соледобычи на Дальнем Востоке. Однако поиски месторождений каменной соли не дали результатов, рентабельность же добычи соли из морской воды оказалась низкой.

Попытки региональных властей преодолеть зависимость региона от поставок продовольствия и товаров первой необходимости извне — вечная проблема для Дальнего Востока. Две статьи, посвящённые советскому периоду, в общем рассматривают эту же проблему преодоления зависимости региона от внешних поставок энергоресурсов — угля, электроэнергии.

О.К. Павленко анализирует проблемы планирования и развития угольной промышленности Дальнего Востока в 1928—1941 гг. В годы первых пятилеток центр выделил на реконструкцию краевых шахт огромные финансовые средства, поставив задачи технического перевооружения предприятий, увеличения объёмов общей и механизированной добычи, полного самообеспечения региона топливом. На практике выполнение плановых норм достигалось лишь в исключительных случаях, основными причинами были региональная специфика, недоучёт центром производственных возможностей существовавших шахт и плохая организация их работы, недостаток квалифицированных кадров.

А.В. Маклюков ставит задачу переосмыслить значение атомных энергетических проектов СССР в 1960—1991 гг. в свете проблем развития электроэнергетики Дальнего Востока. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в ходе подготовки долгосрочных планов экономического развития региона появились первые предложения в области атомной энергетики. Основной целью было обеспечение электроэнергией Дальнего Востока, и в первую очередь Северо-Востока. В 1966—1976 гг. была построена первая атомная электростанция малой мощности — Билибинская АЭС на Чукотке. С начала 1970-х гг. разрабатывались проекты крупных АЭС в Хабаровском и Приморском краях. Однако большинство атомных проектов остались нереализованными, и автор приходит к выводу, что возможностей и условий для их реализации на Дальнем Востоке не было.

В статье **Г.А. Ткачёвой** рассмотрено развитие всех отраслей экономики Дальнего Востока в 1920—1930-е гг. Основное внимание уделено планированию, в том числе финансовой составляющей планов, их целям и задачам, а также возможностям их реализации. По мнению автора, фундаментальными составляющими развития Дальнего Востока СССР являлись природно-ресурсный потенциал, проведение индустриализации и коллективизации с учётом специализации региона и его экономических районов, обеспечение транспортной коммуникации, увеличение численности населения. Сделан вывод, что, несмотря на успехи в восстановлении экономики региона, декларированный принцип равномерного развития территорий СССР не был реализован, и главной причиной этого была нехватка трудовых ресурсов.

Одной из важных задач государственной политики развития дальневосточных территорий в советское время было закрепление населения в регионе, значительное внимание при этом было отведено обеспечению жильём. Государственные программы жилищного строительства на Дальнем Востоке начали реализовывать в 1960-е гг., на более ранних этапах можно говорить лишь о попытках различными способами снизить острую проблему дефицита жилья в регионе. В статье **С.А. Власова** исследована роль индивидуального жилищного строительства в разрешении жилищного кризиса в городах и рабочих посёлках Дальнего Востока после Второй мировой войны. Автором выявлена одна из особенностей индивидуального домостроения — зависимость индивидуальных застройщиков от администрации предприятий, где они работали. Предприятия оказывали помощь

застройщикам в получении земельного участка и кредита на постройку, предоставляли стройматериалы, транспорт для их доставки, направляли специалистов-строителей для выполнения сложных работ. По этой причине наиболее успешно индивидуальное строительство велось в городах и рабочих посёлках южной части региона, где имелись крупные промышленные предприятия, располагавшие материально-техническими ресурсами, в северных же районах оно осуществлялось в меньших масштабах, как по причине отсутствия больших промпредприятий, так и из-за нежелания части проживающих там людей связывать свою дальнейшую жизнь с Дальним Востоком.

В статье **А.С. Ващук** и **Н.М. Платоновой** проанализированы особенности становления советской и постсоветской моделей планирования развития дальневосточной территории. Авторы исследуют влияние теоретических разработок учёных на властные структуры и процесс выработки дальневосточной политики. В советское время основной научной концепцией, определявшей планирование развития региона, стала теория размещения производительных сил. Важными элементами составления планов по развитию Дальнего Востока были научные конференции, Совет по развитию производительных сил, а впоследствии — комплекс научно-исследовательских организаций. В постсоветское время произошёл переход к модели, основанной на программно-индикативном методе, теориях «точек роста», идеях пространственной экономики, — т.е. к индикативному программно-целевому планированию, что обуславливало возникновение иллюзий быстрого эффекта.

Через статьи, опубликованные в данном выпуске Трудов, красной нитью проходит ряд идей и выводов. Главными причинами, заставлявшими центральную власть (в имперское, советское и постсоветское время) вновь и вновь обращать внимание на Дальний Восток, на необходимость его колонизации/освоения/развития, были внешние угрозы, страх потерять регион. Многие исследователи сходятся во мнении, что Дальний Восток воспринимался представителями власти Российской империи, Советского Союза и современной России не только как источник сырьевых ресурсов, но и как важнейший стратегический регион, удержать который значило сохранить страну в качестве мировой державы. Освоение (колонизация, развитие) Дальнего Востока часто опиралось на научное исследование региона — его рельефа, природы, ресурсов, колонизационных возможностей, потребностей и т.п. Планы (проекты, программы), предлагаемые правительством и/или региональной администрацией, не всегда успешно реализовывались, причинами чего чаще всего являлись непродуманность планов, слабый учёт региональной специфики, дефицит финансов, трудовых ресурсов и пр.

Т.З. Позняк,

канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН